

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800029103-9

О текстологии произведений Ф. М. Достоевского, интонационной пунктуации XIX века и грамматической норме современного русского языка (на материале 9-го тома Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 35 т. СПб.: Наука, 2020. 1029 с.)

© 2023 г. К. А. Баршт

Доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, д. 4
konstantin_barsht@pushdom.ru

Резюме. В статье содержится анализ ряда текстологических и историко-литературных вопросов, связанных с академической публикацией произведений Ф.М. Достоевского, рассматривается проблема сохранения авторского стиля писателя при приведении текста к нормам современной орфографии и пунктуации. Указывается на важность вопроса о несоответствии “интонационной” пунктуации XIX современной грамматической норме, предполагающей семантический принцип расстановки знаков препинания. Сохранение отдельных элементов архаической пунктуации при прочтении на современном русском языке оказывает разрушительное действие на смысл фразы. В статье содержится ряд примеров, показывающих неприменимость в пределах современной грамматической нормы элементов старой орфографии и пунктуации.

Ключевые слова: академическая текстология, произведения Ф.М. Достоевского, орфография и пунктуация, история языка, интонационная и семантическая пунктуация, текстологическая подготовка как перевод.

Для цитирования: Баршт К.А. О текстологии произведений Ф.М. Достоевского, интонационной пунктуации XIX века и грамматической норме современного русского языка (на материале 9-го тома Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 35 т. СПб.: Наука, 2020. 1029 с.) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 34–48. DOI:10.31857/S160578800029103-9

**On the Textual Structure of F. M. Dostoevsky's Works, Intonation Punctuation of the 19th Century and the Grammatical Norm of the Modern Russian Language (Based on the Material of the 9th Volume of the Complete Works of F. M. Dostoevsky in 35 Volumes.
St. Petersburg, Nauka Publ., 2020. 1029 p.)**

© 2023 Konstantin A. Barsht

Doct. Sci. (Philol.), Professor,
Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
konstantin_barsht@pushdom.ru

Abstract. The article contains an analysis of a number of textual and historical-literary issues related to the academic publication of the works of F.M. Dostoevsky, the problem of preserving the author's style of the writer when bringing the text to the norms of modern spelling and punctuation is considered. The importance of the question of the inconsistency of the "intonation" punctuation of the 19th with the modern grammatical norm, assuming the semantic principle of punctuation marks, is pointed out. The preservation of individual elements of archaic punctuation when reading in modern Russian has a destructive effect on the meaning of the phrase. The article contains a number of examples showing the inapplicability within the modern grammatical norm of elements of the old spelling and punctuation.

Key words: academic textology, F.M. Dostoevsky's works, spelling and punctuation, language history, intonation and semantic punctuation, textual preparation as translation.

For citation: Barsht, K.A. *O tekstologii proizvedenij F.M. Dostoevskogo, intonacionnoj punktuacii XIX veka i grammaticheskoy norme sovremennogo russkogo yazyka (na materiale 9-go toma Polnogo sobraniya sochinenij F.M. Dostoevskogo v 35 t. SPb.: Nauka, 2020. 1029 s.)* [On the Textual Structure of F.M. Dostoevsky's Works, Intonation Punctuation of the 19th Century and the Grammatical Norm of the Modern Russian Language (Based on the Material of the 9th Volume of the Complete Works of F.M. Dostoevsky in 35 Volumes. St. Petersburg, Nauka Publ., 2020. 1029 p.)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 6, pp. 34–48. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800029103-9

Основной задачей и главным текстологическим принципом в подготовке академических изданий классиков русской литературы, в своих главных чертах сложившимся в процессе более чем вековой работы Пушкинского Дома, является адаптация памятников литературы в современной языковой реальности. Понятно, что степень отрыва современного памятнику литературы русского языка от языковой реальности времени издания оказывается различной, например, при публикации Полного собрания сочинений А.С. Пушкина или "Повести временных лет", но принцип этот остается единым с его неопровержимой культурной аргументацией – классическая русская литература имеет право на существование на любом языке любого народа мира, и в первую очередь – на современном году ее издания русском языке. Учитывая, что популярные издания обычно просто воспроизводят тексты академических полных собраний сочинений, культурную функцию такой работы невозможно переоценить. Современный читатель или исследователь получают тщательно обработанный, выверенный текст произведения, максимально полно по своим коммуникативно-прагматическим кондициям соответствующий языковой реальности, в которой ему предстоит функционировать, базовой для общественной коммуникации и научной деятельности.

Эта мысль сотни раз звучала в трудах классиков отечественного литературоведения. Требование издавать тексты классиков с приведением их "в соответствие с нашим современным правописанием" выдвигала В.С. Нечаева [1, с. 86]. Этот тезис многократно обосновывался в трудах

Б.В. Томашевского, Н.В. Измайлова, С.А. Рейсера, Д.С. Лихачева, многих других текстологов. Применительно к творческому наследию Ф.М. Достоевского это требование в более чем очевидной форме выражено в изданном под руководством Г.М. Фридендера Полном собрании сочинений в 30 т. [2]. В текстологической инструкции нового Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 35 т. [3] указано: "Предпринимаемое Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) новое академическое Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского ... представляет второе, исправленное и дополненное издание Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 30 томах, подготовленного и выпущенного Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) в 1971–1990 гг."; «6.5.8. Тексты Ф.М. Достоевского печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации, с отклонениями от них, оговоренными в предисловии "От редакции" к ПСС₁ (Т. 1. С. 11–12) и реализованными в ПСС₁».

Зафиксированная в этом документе задача текстолога – сохранить авторскую волю писателя и, минуя возможные искажения и пропуски, передать ее в знаках и по законам современного русского языка. Правильно обработанный текст должен обладать более высокой, сравнительно с оригиналом, коммуникативно-информационной ценностью, иначе можно было бы согласиться с тем, что научные публикации не нужны и можно ограничиться воспроизведением факсимиле прижизненных изданий. В этом смысле родство работы текстолога переводу с иностранного языка, что подтверждается дефиницией в словаре лингвистических терминов

О.С. Ахмановой, где перевод определен как расположение текста в новой для него языковой реальности с достижением “полного соответствия нового текста первоначальному...” [4, с. 316]. В этих условиях эквивалентность перевода оригиналу недостижима отождествлением его первоначальному тексту, требуя существенных изменений, которые компенсируют различия в языковых кодах современной произведению языковой реальности и языка современности. Применительно к произведениям Достоевского его романы должны сегодня транслировать адресату такой же уровень коммуникативного комфорта, какой они имели для читателя 1860–1870-х годов после согласованной с писателем обработки корректором. Любая попытка снизить этот уровень коммуникативной ясности, например, с целью придать тексту повышенную “научность” введением в него элементов, мешающих восприятию смыслов, соответствующих авторской воле писателя, не имеет логических оправданий.

Язык художественного произведения, как и общеупотребительный коммуникативный язык, не поддается стопроцентной формализации. Тем более не представляется возможным “канонизировать” и навсегда закрепить в знаках литературное художественное произведение: в истории своей рецепции текст действует как живой организм, постоянно обновляясь новыми смыслами, привносимыми окружающей его культурной и языковой средой, он сам меняет систему своих правил и семантику входящих в него единиц [5, с. 36]. В канале связи автор – читатель возникают шумы, среди которых – недостаточная компетенция воспринимающего, неприемлемая для чтения обстановка, плохое физическое состояние книги и т.п. Стоит ли добавлять сюда свою порцию “шумов” в виде элементов, заведомо не соответствующих правилам восприятия? С другой стороны, текстолог обязан в максимально полном виде сохранить идиолект автора, специфическую для него лексику и грамматику, не перепутав ее с общепринятой при его жизни языковой обыденностью, избегая опасности приписать его оригинальному поэтическому языку особенности, более свойственные стилистическим шаблонам его времени.

Оберегая авторскую волю, закрепленную в тексте, текстолог должен устранять шумы, затрудняющие восприятие или заслоняющие смыслы, являющиеся корневой основой творческой телеологии любого автора. Об этом, со ссылкой на повествователя чеховской “Скучной истории”, писал А.Л. Гришунин, усматривая в наличии лишних текстовых деталей, мешающих

восприятию, текстологическое “чванство” и покушение “и на личность автора, и на мою читательскую самостоятельность” [6, с. 242]. Как известно, Достоевский на протяжении всей своей жизни стремился к простому, безыскусственному повествованию [7, с. 30–41], учился такому “слогу” у Тихона Задонского и инок Парфения, добиваясь максимально ясного изложения своей мысли. Вероятно, это должен принимать во внимание текстолог, обрабатывая тексты писателя для академического издания.

Различия между грамматикой языка, в пределах которого было создано произведение, и современными языковыми нормами становятся основной проблемой текстолога, стремящегося сохранить языковое лицо автора, прочно связанное, как очевидно, с современной ему грамматической нормой. Отличить одно от другого, оказывается, не слишком легко. В частности, это касается пунктуации, как заметил М.П. Алексеев, одной “из самых уязвимых сторон всякой текстологической работы...” [8, с. 17]. Нельзя не согласиться с мыслью Л.М. Кольцовой о том, что структура художественного текста, несущая смысл, обеспечивается именно знаками препинания как средством “формирования единства текста, отражающего определенный тип моделирования мира” [9, с. 21]. Рассматривая историю трансформации норм русской пунктуации, исследователь приходит к выводу, что “пунктуационно-графическая организация современного художественного текста” есть не что иное, как “предъявление смысла”, и соотносена “с единством авторского замысла и конкретными прагматическими задачами” [9, с. 35]. Поэтому текст, созданный 150–200 лет назад, сегодня может выглядеть неорганичным, обнаруживая в себе ряд устаревших и малопонятных коммуникативно-прагматических норм и уводя реципиента от правильного понимания. Ведь современный читатель наделяет лексемы и пунктуационные знаки значениями, соответствующими современной языковой норме, не учитывая или просто не зная тех функций, которые они несли во времена создания памятника. А зная об этих функциях, будет воспринимать такие знаки как неуместные или ложные. Попытка сберечь авторскую волю с помощью механического перенесения в современную версию текста архаических элементов первоначального издания связана с игнорированием корневых свойств художественно-эстетической коммуникации, располагающей значение произведения в канале связи между автором и реципиентом, но отнюдь не в самом тексте как таковом. Разумеется, текстолога, изучающего

произведения Достоевского, всегда будет интересно вопрос о том, как именно выглядели те или иные элементы его текста в прижизненном издании, и никаких проблем с этим в цифровую эпоху не существует, все прижизненные издания произведений писателя есть на сайте Пушкинского Дома¹.

Языковые навыки определяют свойства мышления человека и способ прочтения текста, именно это заставило Б.М. Гаспарова говорить о непреложной “правильности” пользования языком [10, с. 9], выдвигая концепцию “коммуникативного пространства”, которое возникает между читателем и автором в виде “мысленно представляемой среды, в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности” [10, с. 295]. В пределах этого пространства на продуктивность коммуникации и образование смысла влияет набор подразумеваемых представлений, которые составляют основу интерпретации текста, формируют коммуникативную среду, “в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности” [10, с. 297]. Применительно к академическим изданиям формирование этой среды оказывается в центре задач текстолога, который обязан следить за сохранением мысли писателя, а не просто фиксировать с прилежностью хозяйственника архаические запятые и точки.

Защитники буквального, согласно прижизненному изданию, воспроизведения пунктуации и орфографии Достоевского ссылаются на его известный диалог с корректором В.В. Тимофеевой (О. Починковской), в котором писатель “раздражительно восклицал”: “— У каждого автора свой собственный слог, и потому своя собственная грамматика... Мне нет никакого дела до чужих правил! Я ставлю запятую перед тем, где она мне нужна; а где я чувствую, что не надо перед тем ставить запятую, там я не хочу, чтобы мне ее ставили! — Значит, вашу орфографию можно только угадывать, ее знать нельзя, — возражала я, стараясь лучше понять, чего от меня требуют. — Да! Угадывать. Непременно. Корректор и должен уметь угадывать! — тоном, не допускавшим никаких возражений, сердито сдвигая брови, решал он” [11, с. 164]. Отсюда некоторыми исследователями делается вывод: в современных изданиях необходимо точно воспроизводить орфографию и пунктуацию прижизненных изданий. Это был бы верный вывод, если бы системы

пунктуации XIX и нашего времени были идентичными. Однако они не только не тождественны, но принципиально различны структурно и функционально: то, что пунктуация в XIX веке базировалась не на грамматических особенностях речи, “а на интонационных, эмоционально выразительных ее сторонах”, было отмечено еще в начале прошлого века [12, с. 80–84]. Сегодня эту мысль в своих работах проводит Н.В. Перцов [13, с. 30–56]. В связи с этой проблемой А.Б. Шапиро обращает наше внимание на тот факт, что многие писатели XIX в. с безразличием относились к расстановке знаков препинания, “перелазя эту работу на корректоров” [14, с. 26–27]. Казалось бы, Достоевский выглядит уникалом в этих рядах, однако на самом деле презрение к грамматике с призывом к корректору “угадать” правильный знак и равнодушие людей XIX века к пунктуации — две стороны одной медали. Этот факт открывается при более вдумчивом рассмотрении проблемы. В своем страстном обращении к корректору Достоевский боролся не за свои запятые, так или иначе поставленные “угадавшим” или не угадавшим их правильное место корректором, но за смыслы, которые несет текст, этими знаками интонируемый в соответствии с грамматическими нормами XIX века. Другими словами, пунктуация в прижизненных изданиях Достоевского являет собой уровень понимания текста наборщиком, с которым соглашается писатель, просматривая гранки, где он сосредотачивался, в основном, на лексическом составе своего текста. Второй фактор расстановки знаков препинания без участия писателя — его жена Анна Григорьевна, стенографировавшая под его диктовку очередные главы с последующим переводом на письменный русский язык, именно ей принадлежат пунктуационные знаки в текстах романов писателя (начиная с “Игрока”, 1867 г.), в стенографической записи пунктуация отсутствует, она возникала только при переписывании набело².

Откуда взялась та или иная запятая в тексте Достоевского, возникла ли она по воле писателя, с помощью Анны Григорьевны или “творческим усилием” наборщика и корректора в типографии? От ответа на этот вопрос зависит, будем ли мы сосредотачиваться на мнимой достоверности прижизненного “авторского знака”, например, запятой, стоящей между подлежащим и сказуемым, или постараемся с уважением отнестись к тем смыслам, которые писатель вкладывал в свои тексты. “Текстологу, — пишет С.А. Рейсер, — часто приходится сталкиваться с необходимостью

¹ <https://dostoevskyarchive.pushdom.ru/> (дата обращения 27.01.2023).

² Предположение высказано А.М. Грачевой.

решать многочисленные вопросы такого рода. <...> Начать с того, что у нас почти никогда нет уверенности, что в данном журнальном тексте или даже в отдельном издании отражена авторская воля. Для произведений большей части авторов, в особенности XIX века, мы сплошь и рядом сталкиваемся не столько с орфографической и пунктуационной системой автора, сколько с навыками писателя или корректора. Эта орфография и пунктуация, в свою очередь, редко была следствием научной эрудиции, а чаще всего результатом обычаев... Не забудем, что приблизительно до третьей четверти XIX в. русская орфография вообще была не упорядочена” [15, с. 51].

В XIX веке немалую лепту в “авторский стиль” русской классической литературы внесли типографские работники, которым частенько отдавалось на откуп дело постановки знаков препинания, с этим они справлялись методом “угадывания”, сформулированным Достоевским. Эта традиция сохранялась вплоть до начала XX века. Описан случай, когда В.В. Маяковский принес в издательство рукопись без знаков препинания, добавив: “...запятые пусть ставит редактор и корректор, как это полагается” [16, с. 215]. Отсюда становится ясно, что попытки сакрализации запятых в прижизненном издании чреватые тяжелыми последствиями для отечественной филологической науки и культуры. В связи с упомянутым выше случаем М.П. Штокман заметил, что “увлечение буквализмом может привести к соблюдению воли не Маяковского, а издательских работников, участвовавших в издании его сочинений” [17, с. 328]. Равным образом в период творческой активности Достоевского (1840–1880-е годы) в русской языковой прагматике царило “орфографическое безначалие” [15, с. 62], М.П. Алексеев подтверждает: современников Достоевского правила интересовали “значительно менее”. Согласно мнению одного из них, Н.Г. Чернышевского, выраженному в письме М.М. Стасюлевичу, знаки препинания нужны лишь потому, что ими “оттеняется тот или другой колорит смысла фразы”, они существуют как средство “правильной колоризации произношения, т.е. характера фразы” [18, с. 909]. Размытая и семантически неопределенная пунктуация, существовавшая в России в первые две трети XIX века, заставила С.А. Рейсера выдвинуть парадоксальную мысль относительно знаков препинания как средства выражения в них “авторской воли писателя”: «Никакой “воли” у них в этом отношении не было. Некоторые, особенно писатели старого времени, вообще обходились почти без всяких знаков препинания», “интонация их произведений — единственное, что

их интересовало” [15, с. 52], знаки могли ставиться “и вопреки смыслу, на основании сложившихся формальных признаков” [15, с. 59].

Современник Пушкина Е. Филомафитский свидетельствует: “Большая часть пишущих ставит первый попавшийся под перо знак и притом нимало не заботясь, будет ли он у места или нет. Некоторые хотя и ставят знаки не без разбору, но постигнуть правила, коими они руководствуются при постановлении знаков, невозможно” [19, с. 72–73]. Пунктуация середины XIX века также основывалась на идее, что письмо есть изложение “мыслей”, это изложение имеет прерывистый характер, и для удобства чтения куски текста нужно “отделять знаками”: “Из предложений, т.е. из речей или словосочетаний, заключающих в себе по одной мысли, составляются *периоды*, т.е. словосочетания, заключающие в себе полный смысл”, знаки препинания же требуются в случае, когда налицо “несколько мыслей, объясняющих одна другую” [20, с. 315].

В соответствии с методическими требованиями, предъявляемыми к воспитанникам военных училищ России (не будем забывать, что Достоевский в 1843 году окончил Главное инженерное училище), Ф.И. Буслаев настаивает на том, что знаки препинания необходимы для того, чтобы способствовать “ясности в изложении мыслей, отделяя одно предложение от другого, или одну часть его от другой”, эти знаки “выражают ощущения лица говорящего и его отношение к слушающему (восклицательный, вопросительный, многоточие и тире)” [21, с. 112]. Суммируя труды предшественников, Буслаев обозначил цель употребления знаков препинания: для “большей ясности и определительности в изложении мыслей на письме” [22, с. 1320]. Подобным образом в “Практической русской грамматике” Н.И. Греча заложен принцип, в соответствии с которым расположение знаков препинания диктовалось необходимостью разбивать текст на части, где лишь для удобства чтения “разделяются члены периодов” [23, с. 513]. Таким образом, при отсутствии ясно осознаваемой связи между пунктуацией и синтаксисом текста к середине XIX века сложилась норма случайного интонирования текста знаками, осуществляемого произвольно каждым пишущим, в том числе — литераторами, работающими в той же языковой среде.

Согласно мнению исследователя этого вопроса Е.Э. Ивановой, на протяжении всего XIX века в России отсутствовали “обязательные правила употребления знаков”, однако в учебных заведениях, где преподавались и применялись

на практике навыки письма, существовала лишь пунктуационная практика при отсутствии для нее какой-либо теоретической основы; норма держалась на принятых обществом наборах письменных навыков в виде условных правил [24]. Эти наблюдения подтверждаются исследованием Б.И. Осипова [25]. Эти условные правила получили детальное описание в “Русской грамматике” А.Х. Востокова (1831), “Практической русской грамматике” Н.И. Греча (1834), “Исторической грамматике” Ф.И. Буслаева (1858), работе В.И. Классовского “Знаки препинания в пяти важнейших языках” (1869). Немалую роль в установлении этой нормы играла и упомянутая выше так называемая типографская пунктуация, функция которой сводилась к тому, чтобы “представить текст не как аморфную массу символов, а в виде единиц, быстро и четко различаемых глазом” [26, с. 156]. На расстановку запятых корректором влиял, помимо всего прочего, известный набор нелексических знаков, включая интервалы между словами, ширину полей, деление на абзацы и пр., все это служило, наравне с запятыми, делу “удобства чтения”. Лишь в самом конце XIX века понемногу начала утверждаться роль синтаксиса в образовании смысла текста, где системные значения сочетаний пунктуационных знаков стали инструментом образования текстового значения.

Ранее нам уже приходилось говорить о нарушениях смысловых и грамматических связей в тексте Достоевского, связанных с внедрением в современное издание архаических пунктуационных знаков [27, с. 205–206]. Публикация повести “Вечный муж” в составе нового Полного собрания сочинений Достоевского подтверждает приверженность текстолога к буквалистскому подходу, в итоге изданное полвека назад Полное собрание сочинений писателя [2] дает текст, оказывающийся ближе к современной грамматической норме и тем самым к нормальному пониманию заложенного в нем смысла, чем новое издание. Приведем примеры. В издании Г.М. Фридендера читаем: «Да и воротился наконец в Петербург, может, потому только, что и его тоже выбросили, как “старый, изношенный башмак”» [2, с. 26]. В новом издании восстановлена архаическая пунктуация: «Да и воротился наконец в Петербург, может, потому только, что и его тоже выбросили, как “старый изношенный башмак”» [3, с. 25]. Требование читать словосочетание “старый изношенный” в роли неоднородных определений содержится в повторении этой метафоры через три страницы текста: «выброшен, “как старый негодный башмак”» [3, 28], текст воспроизводит публикацию повести в журнале “Заря” в 1870 г. [28, с. 36].

Отсутствие запятой при очевидных однородных определениях порождает в сознании читателя мысль, что герой повествования мог также быть выброшен из чужой жизни как “старый изношенный” башмак, либо как “новый изношенный”, либо как “новый и, тем не менее, сильно изношенный” башмак. Является ли смысловая парадигма такого рода стратегической целью Достоевского, его “авторской волей”? Или все-таки, как это определила текстолог И.А. Битюгова, здесь формируется метафора “старый, изношенный башмак”? Вполне внятная фраза в первом издании: “Сколько я вижу, вас, прежде всего, даже поражает, что я пришел в такой час и — при особенных таких обстоятельствах-с...” [2, с. 19] в новом полном собрании обретает вид: “Сколько я вижу, вас, прежде всего, даже поражает, что я пришел в такой час, и — при особенных таких обстоятельствах-с...” [3, с. 18]. Добавочная запятая была поставлена в прижизненном издании для воспроизведения интонационного знака-паузы, характерного для письменной практики XIX века и совершенно излишнего в современной грамматической норме. Более того, лишняя деталь круто меняет структуру высказывания, добавочная запятая превращает вводимую союзом конструкцию в неполную вторую часть сложносочиненного предложения с присоединительно-усилительным значением: “...что я пришел в такой час, и пришел при особенных таких обстоятельствах-с...”. Входило ли это в планы Достоевского, или запятая лишь случайная, “интонационная”? Тире после союза и без того вынуждает к чтению “при особенных таких обстоятельствах” с некоторым интонационным нажимом, со всей очевидностью входившим в намерения писателя.

Еще пример. Совершенно ясно читаемую и без всяких сомнений точно воплощающую авторскую волю Достоевского фразу “Да у самого Покрова, тут, в переулке-с” [2, с. 24] новое издание предлагает в виде: “Да у самого Покрова, тут в переулке-с” [3, с. 23], тем самым исчерпанность информации в предложении оказывается подорванной, без запятой теряет свою функцию уточняющее обстоятельство “в переулке” и читатель пускается в смысловые догадки, восстанавливая оборванную фразу и недосказанную мысль. Равным образом название журнала Достоевского “Дневник писателя” Н.А. Тарасова предпочитает воспроизводить в виде “Дневник Писателя”, отвешивая глубокий поклон XIX веку и игнорируя возникающую тут же двусмысленность, ведь слово “Писатель” может трактоваться и как имя собственное [29, с. 176]. С необъяснимой

настойчивостью текстолог пытается вернуть вспять эволюцию русского языка, навязывая читателю ушедший в прошлое грамматический канон, будто бы позабыв о правилах собственной текстологической инструкции.

В ряде случаев в новом издании “Вечного мужа” мы наблюдаем произвольное прибавление пунктуационных знаков, отсутствующих в современной русской грамматике, при наличии совершенно идентичных по своей функции знаков современных. В новом издании повести читаем «Вдруг, например, “ни с того ни с сего”, припомнилась ему забытая...» [3, с. 8]. Проигнорирован тот факт, что словосочетание “ни с того ни с сего” отнюдь не является цитатой (если это цитата, необходим разъясняющий комментарий, а его нет), в иных случаях, согласно правилам грамматики, оно запятыми не выделяется. К числу такого же рода необъяснимых нарушений грамматической нормы при нулевом или отрицательном значении сохранения смысла авторской фразы можно отнести и такого рода примеры: «Я “вечный муж-с”! — проговорил Павел Павлович с приниженно-покорною усмешкой над самим собой; — я это словечко давно уже знал от вас...» [3, с. 82]; “Видите, Павел Павлович, я совершенно так же подумал и объяснил себе, — примирительно сказал Вельчанинов; — сверх того, я сам вчера был с вами несколько раздражителен” [3, с. 31]. Знак “; —”, который с настойчивостью, достойной лучшего применения, внедряет Н.А. Тарасова в Полное собрание сочинений Достоевского, является частью старинной пунктуационной системы, отсутствуя в современной норме, при этом он во все не незаменим, на его месте сегодня в той же функции используется идентичный знак “; —”. Никакого отношения этот знак к “авторской воле” Достоевского не имеет, одновременно ставя в тупик читателя и насаждая безграмотность среди учащихся. Вероятно, по этим причинам в первом собрании сочинений было принято разумное решение, не затрудняющее читателя: «Я “вечный муж-с”! — проговорил Павел Павлович с приниженно-покорною усмешкой над самим собой. — Я это словечко давно уже знал от вас...» [2, с. 85]. Некорректный пунктуационный знак, некритически привнесенный из старого издания, может изменить характер персонажа или, без всякого мыслимого основания, создать ситуацию грамматической ошибки. Фраза: «“Ой, лжешь!” — говорила улыбка Павла Павловича» [2, с. 45], безупречная по форме и по смыслу в издании 1974 г., обрела в публикации 2021 года вид: «“Ой лжешь!” — говорила улыбка Павла Павловича» [3, с. 43], заставляя читателя ломать

голову над образовавшейся загадкой, не является ли “Ой” членом предложения в роли субъекта высказывания с предикатом, указывающим, в умышленно или случайно искаженной форме, на его “лживость”? Попытки механического перенесения в современный текст знаков архаической интонационной пунктуации XIX века, отсутствующих в современном русском языке, видны и в следующем примере: “Так понимаете ли, какой вы теперь друг для меня остались?!..” [3, с. 47]. Следует обратить внимание, что, в отличие от запятой и точки, знаков, семантически организующих текст, “?” и “!” и в сегодняшней грамматической системе являются “четко интонационными” [15, с. 58].

Значительную смысловую деформацию приносит тексту отсутствие запятых при вводном обороте, с обращением его тем самым в обстоятельство. Не вызывающая вопросов фраза в издании 1974 г.: “Пусть я ипохондрик, — думал Вельчанинов, — и, стало быть, из мухи готов слона сделать, но, однако же, легче ль мне оттого, что всё это, *может быть*, только одна фантазия?” [2, с. 13] в новом издании выглядит следующим образом: “Пусть я ипохондрик, — думал Вельчанинов, — и, стало быть, из мухи готов слона сделать, но, однако же, легче ль мне от того, что всё это *может быть* только одна фантазия?” [3, с. 13]. Словосочетание “*может быть*”, выделенное Достоевским курсивом, усилиями текстолога из вводного оборота превратилось в предикатив, обозначая собой некую перспективу задуманной идеи. Эта текстологическая операция имела бы некий смысл, если бы слово “фантазия” стояло в творительном падеже: “может быть ... фантазией”. Но отсутствие запятых и падежная форма слова “фантазия” не дают нам согласиться с такой возможностью. Подобного рода пример искажения смысла с помощью неточно проставленного пунктуационного знака мы видим в следующем случае: “Да-с, странно и выражаюсь-с... — А вы... не шутите?” [2, с. 21]. В новом издании этого произведения в составе ПСС Достоевского читаем: “Да-с, странно и выражаюсь-с... — А вы... не шутите!” [3, с. 20–21]. Резкая смена пунктуационного знака переворачивает смысл реплики героя — от вежливого риторического вопроса к жесткому приказу или угрозе, тон и смысл беседы резко меняются. Замена вопросительного знака на восклицательный была произведена в соответствии с прижизненными изданиями, казалось бы, какие здесь могут быть сомнения? Сомнения тем не менее остаются, на них наводит контекст, в частности, ответная реплика Павла Павловича: “Шучу! — воскликнул Павел Павлович в скорбном

недоумении, — и в ту минуту, когда возвещаю... — Ах, замолчите об этом, прошу вас!” [3, с. 21], что ясно указывает на то, что гневной угрозы вовсе не было, но был именно риторический вопрос. В этом примере как в капле воды отражается огромный комплекс вопросов, связанных с текстологией Достоевского, где понятное стремление точно следовать авторской воле писателя временами уводит текстолога к буквализму, а глубокие различия в функционально-смысловой сущности архаической и современной пунктуации игнорируются.

Нельзя сказать, что такого рода текстологические эксперименты являют собой нечто новое, так, например, А.Л. Гришунин отмечал “ненужную дипломатичность” в передаче пунктуации подлинников Тургенева [30, с. 131]. Вектор на копирование прижизненного издания чреват не только логическими и грамматическими типиками, но и фактическим искажением смысла текста классика, стремление к идентичности с игнорированием глубоких различий, существующих между языковыми системами XIX и XXI вв., приводит к смысловым парадоксам: графически одинаковые пунктуационные знаки сегодня имеют иные значения, нежели во времена Достоевского. Двигаясь по направлению к полноценной идентичности текста, необходимо ориентироваться на идентичность текстового смысла в новой языковой среде, но не на идентичность графем, из элементов которой состоит материальный носитель текста. Сосредотачиваясь на этом вопросе, А.Л. Гришунин справедливо противопоставлял текстологическому буквализму верность передачи смысла, выраженного в художественном тексте, который “оказывается очень емким, многогранным, богатым; более богатым, чем кажется на обыкновенный поверхностный и буквалистский взгляд” [6, с. 230]. Эту же точку зрения исповедовал Б.М. Эйхенбаум, подчеркивая, что при издании классиков сохранение языковых особенностей эпохи или данного автора должно осуществляться исключительно в “условиях современной орфографии и пунктуации” [31, с. 65]. Этого требует “конструктивно-синтаксический принцип” современной пунктуации [24, с. 144], который противостоит методико-интонационному принципу пунктуации XIX века, что заставляет думать о том, каким образом будут читаться знаки, проставленные по правилам одной нормы, в языковой среде, сформировавшей другой код их прочтения: “Совершенно ясно, что сочинения русских классиков должны печататься по правилам современной орфографии” [31, с. 79], при этом необходимо, чтобы при переводе

архаической пунктуации на современную грамматическую норму был бы преодолен конфликт между “знаками, имеющими условное (логическое или грамматическое) значение, и другими, имеющими произносительный (интонационный или ритмический) и эмоциональный смысл. О первых нечего и говорить: их надо ставить так, как этого требуют современные правила”, в то время как вторые нуждаются в особом внимании: сохранение таких знаков должно опираться исключительно на “смысловое содержание” текста, “при переводе старой пунктуации на новую следует сохранять элементы старой в тех случаях, когда они имеют реальное выразительное значение и составляют характерную черту стиля данного писателя” [31, с. 81, 82]. В.С. Нечаева заметила, что в стремлении сохранить в тексте “нерушимость воли автора и в области пунктуации” необходимо ее “выправить” в тех случаях, когда она “явно противоречит смыслу излагаемого” [1, с. 86].

В связи с этим хотелось бы напомнить о позиции Д.С. Лихачева, считавшего явным признаком склонности к буквализму “нарушения лингвистических норм воспринимающего языка”, эту мысль он далее многократно подчеркивал [32, с. 711–712]. А.Б. Шапиро считал рецепцию художественного текста базовой категорией в процессе восстановления утерянной старинным памятником литературы связи со своим читателем, “...чтобы по возможности облегчить в процессе общения пишущего и читающего первому — выражение своих мыслей и чувств, а второму — правильное их восприятие” [33, с. 35]. С такой постановкой вопроса были согласны многие известные текстологи, например, Ю.Г. Оксман, не раз протестовавший против “буквалистски-формалистической текстологии” [34, с. 75–76]. А.Л. Гришунин говорит о том, что “требование точности текста не означает объективистски пунктуальной его передачи; не точность буквалистская, а точность на основе научной критики текста составляет основополагающий принцип текстологической работы”, в процессе которой необходимо устранить из текста все, мешающее его восприятию, включая “неисправности чтения текста, носящие непреднамеренный и случайный характер”, что, по его мнению, и является подлинным исполнением “намерений самого автора” [6, с. 308], текстологический буквализм противопоставляется им верности передачи смысла художественного текста [6, с. 230].

Двести лет назад эту же мысль выражал Е. Филимафитский, утверждая в качестве основной филологической добродетели “справедливое

понятие смысла сочинения и точную определенность оногo” [19, с. 86], он категорически отвергал текстологический буквализм, с сарказмом отмечая тех, кто “привязан слепо к формам *excursuum* и *commentariorum*, кто считает неприкосновенным все прежде его написанное и напечатанное — особенно писателями, стяжавшими себе славу”, в то время как “темнота смысла исчезает в древнем классике от одного только приличного места и правильного постановления знаков препинания” [19, с. 87]. В необходимые пределы подготовки текста писателями прежних времен, по его мнению, входит задача делать так, “чтобы всякий понимал мысли его не иначе, как и сам он; или, как говорит Квинтилиан, чтобы не только мог понимать читатель, но и совершенно не мог не понимать” [19, с. 88]. О мучениях читателя, которому предлагают “аутентичную” пунктуацию в издании классика, Е. Филомафитский написал так: “Не теряет ли самое сочинение цены своей — когда должно трудиться и над тем уже, чтоб доискиваться смысла, ясного по слогу, темного по расстановке знаков?” [19, с. 88]

В связи с данной проблемой выбора, когда текстолог, отбирая знаки для передачи современникам текста классика литературы, обретает функцию некоего фильтра, именно его научно-ценностная шкала лежит в основе реестра данных, которые репрезентируют творчество писателя в современной мировой культуре. В связи с этим уместно вспомнить замечание Д.С. Лихачева: “Текстолог должен обладать качествами общественного человека, уметь привлекать консультантов, быть организатором своего исследования, превращая тем самым свое исследование в коллективное, тактично соблюдая нормы научной этики” [32, с. 555]. Оспаривая эту мысль, Н.А. Тарасова, призывая в свою поддержку Н.Н. Коробейникову [35, с. 20], пишет: “Обычно подчеркивается установка на объективность, беспристрастность, стилистическую нейтральность комментаторской работы, однако на практике исследовательские комментарии всех типов и разновидностей, будучи результатом творческого, эвристического труда, не могут не выражать авторские подходы к истолкованию комментируемого текста и к форме подачи информации...” [29, с. 153]. Очевидно, у исследователя нет уверенности в том, что вообще необходима какая-либо объективность в освещении фактов и событий периода творчества писателя. В статье Н.А. Тарасовой, которую можно считать программной для построения комментария к томам, охватывающим творчество писателя конца 1860-х годов, присутствуют нотки неуверенности на сей счет.

Вероятно, именно этим объясняется игнорирование составителями комментария к т. 9 нового Полного собрания сочинений писателя научных данных об идеографии Ф.М. Достоевского, занимающей значительное место в черновых записях писателя к роману “Идиот”.

Здесь следует отметить, что одним из трех факторов, определивших содержание проекта по изданию нового Полного собрания сочинений Достоевского, было именно введение в состав томов графического наследия писателя, проигнорированного предыдущим изданием, научных данных о роли и значении этого материала в его литературном творчестве (два других — новые данные о творчестве писателя и избавление от идеологической окрашенности содержащегося в издании прошлого века освещения общественно-политических взглядов писателя). В связи с этим в Текстологической инструкции нового Полного собрания сочинений вопросу об идеографии писателя было уделено значительное место, в частности этому посвящены пункты 2.2.3. и 2.2.4. Однако реальность содержания девятого тома со всей ясностью указывает, что выбранным текстологами путем к решению этой научной проблемы прийти не удастся: в томе отсутствует информация о смысле и значении идеографии Достоевского, проигнорированы научные труды на эту тему, в частности написанная в 1986 г. в группе Достоевского диссертация “Роль и значение рисунков Ф.М. Достоевского в его литературном творчестве” (под руководством В.А. Туниманова и при непосредственном консультировании со стороны Г.М. Фридлендера), “Каталог” рисунков и каллиграфии Достоевского, вышедший в т. 17 Полного собрания сочинений Достоевского под ред. В.Н. Захарова [36], другие статьи и книги на эту тему, где содержится ответ на вопросы, которые комментарий к тому оставил без внимания. А ведь современной наукой выработана значительно более продвинутая система обозначений и осмыслений идеографии писателя, нежели примененная в томе. Однако комментаторы т. 9 ограничились тем, что обозначили каждый из элементов графики писателя одним из трех терминов: “архитектурные”, “портретные” и “декоративные” рисунки, без попыток объяснить их смысл и значение, роль в творческом процессе писателя. Этот уровень понимания графики Достоевского соответствует принципиально устаревшим представлениям начала XX века.

История изучения рисунков писателя насчитывает 90 лет, начиная с трудов исследователей рукописей Достоевского 1930-х годов: И.И. Гливенко,

Е.Н. Коншиной, П.Н. Сакулина, Н.Ф. Бельчикова и др. Первый шаг к решению этой научной проблемы сделал П.Н. Сакулин, отметив в рукописи романа “Идиот” большое число рисунков. Определяя стиль работы писателя как размышление “с пером в руках” [37, с. 3], он замечает, что рисунки чаще всего находятся именно при “планах” произведений Достоевского, а также выражает предположение (далее оправдавшееся), что “перо писателя принимается зарисовывать какие-то головы, может быть, не без связи с его поэтическим видением, то есть, может быть, портреты задуманных героев” [37, с. 4–6]. Начиная с этого момента за почти сто лет существования научного достоевведения была проделана значительная работа в этом направлении, к сожалению, полностью проигнорированная в комментариях к рукописям, а ведь в подготовительных материалах к роману “Идиот” находятся сотни рисунков писателя, в том числе и портретные рисунки. Комментарий к 9 тому нового Полного собрания сочинений Достоевского не выполняет текстологическую инструкцию издания, отбрасывая наше представление о рисунках писателя в дореволюционные времена, когда знание об этом предмете было смутным и неопределенным. Отсутствие попытки справиться с этим действительно сложным материалом и замена подлинно научного анализа примитивной типологией, включающей в себя “декоративные рисунки” (при том, что писатель никогда не рисовал с намерением что-либо “декорировать”), вызывают недоумение.

Продолжая разговор о комментариях, следует заметить, что в рассуждениях о роли личности Ф.П. Гаазе в истории создания романа “Идиот” отсутствует указание на то, что его портрет, созданный рукой писателя, находится в записной тетради середины 1860-х годов [36, с. 74]. Из других странностей комментария следует отметить сомнительную релевантность распределения материала комментария. Глава 2 посвящена творческой истории романа “Идиот” (с. 470–491), 3 – обстоятельствам жизни писателя в этот период (с. 491–499), 4 – различным редакциям сюжета романа, частично совпадая тематически с главкой 2 (с. 499–515), 5 – продолжение (с. 515–535), 6 – о формировании характера Мышкина, где нет ни слова о роли каллиграфии в этом процессе (с. 535–548), 7 – об истолковании романа в богословском ключе (с. 549–591), 8 – об идеологии Мышкина (с. 591–607), 9 – об отзывах на произведение (с. 607–622), заключительная глава 10 – о литературных и иных отражениях произведений в мировом искусстве (с. 622–716). Обращает на себя внимание огромный объем

последней главы, имеющей второстепенное значение в отношении к цели и задаче академического издания. В описании христианских взглядов Достоевского делается попытка представить его апологетом официального православия, что не соответствует истине, об этом свидетельствует почвеннический проект писателя, нацеленный на строительство в стране подлинной христианской культуры. В трактовке выхода “Князя-Христа” из Швейцарии отсутствует объяснение того, почему именно Швейцария стала родиной русского “Князя-Христа”, а ведь есть работы, в которых детально проясняется этот вопрос. Вызывает серьезные сомнения объяснение сцены истолкования Лебедевым Апокалипсиса, верно отмечено, что это эпизод, в котором содержится аллюзия на известное идейное противостояние 1860-х годов [3, с. 547], однако проигнорирован интерес Достоевского к А.М. Бухареву, “Толкование Апокалипсиса” которого стало причиной громкого скандала в русском обществе, гонениями на опального священника, закончившего конфликт снятием с себя сана архимандрита.

Другая неточность связана с комментированием фразы, которую произносит перед смертью генерал Иволгин: “Позор преследует меня!” (ПСС₂, 8, 418). Фраза эта заключена в кавычки, указывающие на открытую цитату, что, по мнению писателя, должно быть легко узнаваемо читателем. В комментариях к этому произведению в первом Полном собрании сочинений Достоевского помечено, что источник цитаты установить не удалось (ПСС₁, 9, 456). В новом Полном собрании сочинений этот пробел восполняется следующим текстом: «Возможный источник этой темы – трагедия Ж.-Б. Расина “Федра” (1677). Указано Т.В. Панюковой и Б.Н. Тихомировым» [3, с. 813] – трудно объяснимый навет на указанных здесь филологов, которые этой темой не занимались, не снабжали подобного рода информацией текстологов Группы Достоевского и пребывают по поводу этого указания в недоумении. Кстати, в научной литературе работа о “Федре” в связи с цитатой из “Идиота” действительно есть, но принадлежит она другому исследователю, сделавшему 5 октября 2019 года доклад на Международной научной конференции “200 лет петербургского университетского литературоведения”, кстати, с немалым интересом выслушанный составителями комментария к 9 т. Полного собрания сочинений Достоевского. Есть в тексте комментария к роману “Идиот” и другие обидные неточности. Обращает на себя внимание обильное самоцитирование – несколько десятков ссылок составителей тома на свои труды.

Плюс необязательные статьи постраничного комментария, например: “с. 175. ...это первая комиссия, которую он получил от него... — Комиссия (фр. *commission*) — поручение” [3, с. 757]. Избыточное комментирование, от которого также пострадал том, к сожалению, связано с тем, что описанный в комментарии путь, который проделал Достоевский на пути к форме своего произведения, временами заслоняется описанием пути, который проделал текстолог в выяснении этого вопроса.

Подведем итоги. Попытки имплантировать фрагменты архаической интонационной системы пунктуации в текст, построенный по законам современной грамматики, основанной на принципиально ином, структурно-семантическом принципе организации, неизбежно приводит к тяжелым последствиям. Игнорирование свойств современной пунктуации как “особого семиотического кода” [9, с. 8], входящего в текст не как некое интонирующее необязательное дополнение, но как неотъемлемая часть его семантической структуры, оказывает негативное влияние на формирование текстового смысла. Нельзя не согласиться с У. Чейфом, выдвинувшим концепцию современной пунктуации как своего рода фактора “упаковки смысла” [38, с. 279]. Если стратегической целью любого автора является успешная коммуникация, то пунктуационная система первопечатного издания произведений Достоевского нацелена на современного ему читателя, имеющего развитое представление о пунктуации как о средстве интонировать нарратив. Читатель XXI века, напротив, воспринимает пунктуацию как семантическую рамку текста, средство формирования смысла. Механический перенос старой пунктуационной системы в иную языковую среду естественным образом приводит к деформации заложенных в тексте значений и в результате к непониманию (некорректному пониманию) того, что есть “сигнал бесполезной работы, ненужности текста” [39, с. 41]. Амбициозная попытка со стороны архаического русского языка XIX века овладеть современным читателем, да еще с помощью сложных фило-софско-эстетических конструкций Достоевского, заставляет задуматься о целесообразности такого мероприятия. Ведь задача текстолога, как заметил С.А. Рейсер, “установить и организовать текст... довести его до современного читателя” [15, с. 11]. В связи с этим текстологу “приходится быть еще и историком русской пунктуации... <...> ... учитывать значение неупотребительных в наше время способов обозначения. Так, например, тире после точки играло в XIX в. роль абзаца

или чего-то к нему очень близкого. Напомним, что, кроме тире, многоточие и кавычки тоже знаки сравнительно поздние — конца XVIII или даже начала XIX в.” [15, с. 61].

Стремясь при подготовке научного издания памятника литературы к палеографической точности, нельзя забывать о том, что филологическая реальность состоит из мыслей, получивших адекватную форму в той системе знаков, которая принята реальностью культуры. Об этом напоминал современникам М.М. Бахтин: “Наша речь расчленяется прежде всего на предложения, каждое из которых, являясь более или менее законченным высказыванием, выражает отдельную мысль” [40, с. 237]. Это тем более важно, что в основе восприятия художественного текста лежит эстетическая коммуникация, которая своей структурой резко отличается от коммуникации социально-бытовой [41, с. 11–20], неучет этого обстоятельства ведет к ошибке.

Призывы к текстологам без особой нужды не расшатывать грамматические нормы многократно звучали от представителей разных поколений ученых. Восстанавливая произведение согласно текстуально выраженной авторской воле, вероятно, следует сосредоточиться на индивидуальном стиле писателя, не смешивая с ним принятые в давние времена правила чтения и письма. Заставляя читателя разгадывать грамматические ребусы, текстолог лишь увеличивает энтропию произведений Достоевского — меру неопределенности смыслового состояния текста, в то время как цель его работы находится в противоположном направлении — уменьшить смысловую удаленность текста от воспринимающего. В таком брошенном на произвол судьбы тексте энтропия стремится к возрастанию, заложенные в нем смыслы приходят к адресату в менее ясном виде. Нарушая чистоту звучания авторского повествования, текстолог наносит произведению невосполнимый ущерб, значительно превышающий ценность какого-либо знака архаической грамматики, вставленного, на удивление всему свету, в текст литературного классика.

Знаки пунктуации теснейшим образом связаны с нарративом, ведь именно это имел в виду Достоевский, утверждая в разговоре с корректором идею “угадывания”. Однако введение пунктуации в его прижизненные издания с помощью “угадывания” происходило в контексте читательской культуры середины XIX века. Тот же самый текст, с сохранением ранее верно “угаданных” корректором знаков, прочитанный сегодня, может обратиться в смысловую нелепицу, если его

читать по правилам современной грамматики. Выход из этой ситуации подсказан самим Достоевским в его совете к В.В. Тимофеевой: нужно исходить из смысла того, что уснащается знаками пунктуации. Но не для отсутствующего ныне читателя середины XIX века, а для читателя современного, имеющего равные с современником Достоевского права на адекватно текстологически оформленный текст его произведений.

Следует согласиться с А.В. Лавровым, сделавшим вывод о “катастрофической нехватке” квалифицированных текстологов, что затрудняет процесс издания творческого наследия классиков русской литературы, “главном препятствии” на пути реализации имеющей столь великое значение культурной программы [42, с. 977]. Текстолог, который готовит издание памятника литературы в новой языковой среде, играет роль режиссера в коммуникативной “сценографии”, являясь посредником между текстом и адресатом в качестве фактора преобразования информации в научно обоснованную, адекватную и приемлемую для восприятия форму. Исследователь текста не должен заменять собой читателя и навязывать ему свои более или менее удачные теоремы, но быть прозрачным, не добавляющим дополнительных шумов в канал связи между автором, создавшим оформленные в системы знаков смыслы, и читателем, эти смыслы усваивающим. Об этом писал П. Рикер, указывавший на необходимость преодоления “культурной отдаленности, дистанции, отделяющей читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить его на один с ним уровень и таким образом включить этот текст в нынешнее понимание, каким обладает читатель” [43, с. 4]. Визуальные средства организации текста — орфография и пунктуация — либо “отдаляют” текст от читателя, либо приближают к нему, в зависимости от качества и цели текстологической обработки. Из этого ясно, что намерение законсервировать какие-либо элементы текста или весь текст в “канонической” форме выдает отсутствие намерения сделать текст читаемым, усложнив его социальное бытование, одновременно позиционируя публикатора как гипотетического единственного и самого правильного читателя, разумеется, при отсутствии доказанных прав на такое положение. Нельзя спорить с тем, что ведущее значение в преодолении “культурной отдаленности” текста литературного памятника от современности имеет не текстолог как “единственный правильный читатель”, но существующая и действующая в определенный исторический момент языковая реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нечаева В.С.* Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков // Вопросы текстологии. Сб. ст. М.: Издательство АН СССР, 1957. С. 29–88.
2. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 9. Л.: Наука, 1974. 528 с.
3. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 35 т. Т. 9. СПб.: Наука, 2013. 1029 с.
4. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
5. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1972. 385 с.
6. *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. 413 с.
7. *Лихачев Д.С.* “Небрежение словом” у Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л.: Наука, 1975. С. 30–41.
8. *Алексеев М.П.* Текстологические особенности издания И.С. Тургенева // Текстология славянских литератур. Л., 1973. С. 3–23.
9. *Кольцова Л.М.* Художественный текст через призму авторской пунктуации. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2007. 48 с.
10. *Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Издательство НЛЮ, 1996. 267 с.
11. *Тимофеева В.В. (О. Починковская).* Год работы с знаменитым писателем // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. С. 137–196.
12. *Пешковский А.М.* Интонация и грамматика // Известия по русскому языку и словесности АН СССР, 1928. Т. 1, кн. 2. С. 458–476.
13. *Перцов Н.В.* О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 30–56.
14. *Шаниро А.Б.* Основы русской пунктуации. М.: Издательство АН СССР, 1955. 398 с.
15. *Рейсер С.А.* Основы текстологии. Изд. 2-е. Л.: Просвещение, 1978. 176 с.
16. *Реформатский А.А.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М.: Издательство АН СССР, 1963. 280 с.
17. *Штокмар М.П.* Проблемы научного издания сочинений Маяковского // Вопросы текстологии. М.: Издательство АН СССР, 1957. С. 289–333.

18. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 13. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. 959 с.
19. Филомафитский Е. О знаках препинания вообще и в особенности для русской словесности // Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей русской словесности при Императорском Московском университете. Ч. 2. М., 1822. С. 72–134.
20. Востоков А.Х. Русская грамматика. СПб.: Типография И. Глазунова, 1831. 449 с.
21. Буслаев Ф. Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. Ч. 2. Синтаксис. М.: Университетская типография, 1858. 428 с.
22. Буслаев Ф. Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1896. 239 с.
23. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. 2-е изд., испр. СПб.: В типографии издателя, 1834. 537 с.
24. Иванова Е.Э. История русского письма. Учебное пособие. Екатеринбург: Издательство УГУ, 2018. 190 с.
25. Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск: Издательство НГУ, 1992. 320 с.
26. Веденина Л.Г. Пунктуация французского языка. М.: Высшая школа, 1975. 168 с.
27. Баршт К.А. Текстологические принципы издания романа Ф.М. Достоевского “Идиот” в академическом Полном собрании сочинений: вопросы пунктуации // Русская литература. 2020. № 4. С. 205–206.
28. Достоевский Ф.М. Вечный муж [гл. I–IX] // Заря. 1870. Январь. № 1. С. 1–79.
29. Тарасова Н.А. Проблемы подготовки реального комментария (на материале романа Ф.М. Достоевского “Идиот”) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Том 17. № 3. С. 158–181.
30. Гришунин А.Л. Принципы передачи эпистолярных текстов в печати // Вопросы текстологии. Вып. 3. М.: Наука, 1964. 305 с.
31. Эйхенбаум Б.М. Редактор и книга. Сборник статей. Выпуск третий. М.: Искусство, 1962. 98 с.
32. Лихачев Д.С., при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв). Изд. 3-е. СПб.: Алетей, 2001. 758 с.
33. Шапиро А.Б. Упорядоченное русское правописание. М.: Издательство МГУ, 1956. 38 с.
34. Оксман Ю.Г., Чуковский К.И. Переписка. М.: Языки славянской культуры, 2001. 174 с.
35. Коробейникова Н.Н. Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 202 с.
36. Рисунки Ф.М. Достоевского. Каталог // Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Том 17. М.: Воскресенье, 2005. 876 с.
37. Сакулин П.Н., Бельчиков Н.Ф. Из архива Ф.М. Достоевского. “Идиот”: неизданные материалы. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. 320 с.
38. Чейф У. Данное, контрастивность, определённость, подлежащее, топики, точки зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982. С. 277–316.
39. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Издательство УГУ, 1991. 172 с.
40. Бахтин М.М. Из архивных записей к работе “Проблема речевых жанров” // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 207–286.
41. Баршт К.А. Металингвистика и тернарная модель эстетической коммуникации // Диалог согласия. Сборник научных трудов в честь 70-летия В.И. Тюпы. М., 2015. С. 11–20.
42. Лавров А.В. Проблемы академических изданий классиков русской литературы // Вестник Российской академии наук. 2011. Том 81. № 11. С. 970–977.
43. Рикёр П. Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике) / Пер. с фр. М.: Московский философский фонд, 1995. 411 с.

REFERENCES

1. Nechaeva, V.S. *Problema ustanovleniya tekstov v izdaniyakh literaturnykh proizvedenij XIX i XX vekov* [The Problem of Establishing Texts in Publications of Literary Works of the 19th and 20th Centuries]. *Voprosy textologii. Sb. art.* [Topics in the Study of Textology. Collection of Articles]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957, pp. 29–88. (In Russ.)
2. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. T. 9* [Complete Works in 30 vol. Vol. 9]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 528 p. (In Russ.)
3. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij v 35 t. T. 9* [Complete Works in 35 vols. Vol. 9]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013. 1029 p. (In Russ.)
4. Akhmanova, O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov. Izd. 2-e* [Dictionary of Linguistic Terms. 2nd Edition]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1969. 607 p. (In Russ.)

5. Lotman, Yu.M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The Structure of a Literary Text]. Moscow, Art Publ., 1972. 385 p. (In Russ.)
6. Grishunin, A.L. *Issledovatel'skie aspekty tekstologii* [Research Aspects of Textology]. Moscow, Nasledie Publ., 1998. 413 p. (In Russ.)
7. Likhachev, D.S. "Nebrezhenie slovom" u Dostoevskogo ["Neglect of the Word" by Dostoevsky]. *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya. T. 2* [Dostoevsky. Materials and research. Vol. 2]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 30–41. (In Russ.)
8. Alekseev, M.P. *Tekstologicheskie osobennosti izdaniya I.S. Turgeneva* [Textual Features of the Publication of I.S. Turgenev]. *Tekstologiya slavyanskikh literature* [Textology of Slavic Literatures]. Leningrad, 1973, pp. 3–23. (In Russ.)
9. Koltsova, L.M. *Hudozhestvennyj tekst cherez prizmu avtorskoj punktuacii. Avtoref. dis. dokt. fi-lol. nauk* [Artistic Text Through the Prism of Author's Punctuation. Autoref. Dis. ... Doct. Philol. Sciences]. Voronezh, 2007. 48 p. (In Russ.)
10. Gasparov, B.M. *Yazyk. Pamyat. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of Linguistic Existence]. Moscow, NLO Publishing House, 1996. 267 p. (In Russ.)
11. Timofeeva, B.V. (O. Pochinkovskaya). *God raboty s znamenitym pisatelem* [The Year of Work with the Famous Writer]. *F.M. Dostoevskij v vospominaniyah sovremennikov. T. 2* [F.M. Dostoevsky in the Memoirs of Contemporaries. Vol. 2]. Moscow, Fiction Publ., 1990, pp. 137–196. (In Russ.)
12. Peshkovsky, A.M. *Intonaciya i grammatika* [Intonation and Grammar]. *Izvestiya po russkomu yazyku i slovesnosti AN SSSR* [Bulletin of the Russian Language and Literature of the USSR Academy of Sciences]. 1928, Vol. 1, Book 2, pp. 458–476. (In Russ.)
13. Pertsov, N.V. *O sootnoshenii pismennoj i ustnoj form poeticheskogo yazyka (K voprosu o funkcionalnoj nagruzhenosti starogo russkogo pravopisaniya)* [On the Correlation of Written and Oral Forms of Poetic Language (On the Question of the Functional Load of Old Russian Spelling)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 2008, No. 2, pp. 30–56. (In Russ.)
14. Shapiro, A.B. *Osnovy russkoj punktuacii* [Fundamentals of Russian Punctuation]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 398 p. (In Russ.)
15. Raicer, S.A. *Osnovy tekstologii. Izd. 2-e* [Fundamentals of Textology. Ed. 2]. Leningrad, Enlightenment Publ., 1978. 176 p. (In Russ.)
16. Reformatsky, A.A. *O perekodirovanii i transformacii kommunikativnykh sistem* [On Recoding and Transformation of Communicative Systems]. *Issledovaniya po strukturnoj tipologii* [Research on Structural Typology]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 280 p. (In Russ.)
17. Shtokmar, M.P. *Problemy nauchnogo izdaniya sochinenij Mayakovskogo* [Problems of Scientific Publication of Mayakovsky's Works]. *Voprosy tekstologii* [Topics in the Study of Textology]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957, pp. 289–333. (In Russ.)
18. Chernyshevsky, N.G. *Polnoe sobranie sochinenij. V 15 t. T. 13* [Complete Works. In 15 Vols. Vol. 13]. Moscow, State Publishing House of Fiction, 1949. 959 p. (In Russ.)
19. Philomaphite, E. *O znakah prepinaniya voobshche i v osobennosti dlya Rossijskoj slovesnosti* [About Punctuation Marks in General and Especially for Russian Literature]. *Sochineniya v proze i stihah. Trudy Obshchestva lyubitelej Rossijskoj slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Ch. 2* [Essays in Prose and Verse. Proceedings of the Society of Lovers of Russian Literature at the Imperial Moscow University. Part 2]. Moscow, 1822, pp. 72–134. (In Russ.)
20. Vostokov, A.H. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. St. Petersburg, I. Glazunov Printing house, 1831. 449 p. (In Russ.)
21. Buslaev, F. *Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka. Uchebnoe posobie dlya prepodavatelej. Ch. 2. Sintaksis* [Experience of Historical Grammar of the Russian Language. Textbook for Teachers. Part 2. Syntax]. Moscow, University Printing house, 1858. 428 p. (In Russ.)
22. Buslaev, F. *Uchebnik russkoj grammatiki, sbližhennoj s cerkovnoslavyanskoyu, s prilozheniem obrazcov grammaticheskogo razbora* [Textbook of Russian Grammar, Close to Church Slavonic, with the Application of Samples of Grammatical Analysis]. Moscow, Printing House of E. Lissner and Y. Roman, 1896. 239 p. (In Russ.)
23. Grech, N.I. *Prakticheskaya russkaya grammatika. 2-e izd., ispr.* [Practical Russian Grammar. 2nd Ed., Revised]. St. Petersburg, in the Publisher's Printing House, 1834. 537 p. (In Russ.)
24. Ivanova, E.E. *Istoriya russkogo pisma. Uchebnoe posobie* [History of Russian Writing. Study Guide]. Yekaterinburg, UGU Publishing House, 2018. 190 p. (In Russ.)
25. Osipov, B.I. *Istoriya russkoj orfografii i punktuacii* [History of Russian Spelling and Punctuation]. Novosibirsk, NSU Publishing House, 1992. 320 p. (In Russ.)
26. Vedenina, L.G. *Puntuaciya francuzskogo yazyka* [Punctuation of the French Language]. Moscow, Higher School Publ., 1975. 168 p. (In Russ.)
27. Barsht, K.A. *Tekstologicheskie principy izdaniya romana F.M. Dostoevskogo "Idiot" v akademicheskom Polnom sobranii sochinenij: voprosy punktuacii* [Textual Principles of Publishing F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot" in the Academic Complete Works: Questions of

- Punctuation]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2020, No. 4, pp. 205–206. (In Russ.)
28. Dostoevsky, F.M. *Vechnyj muzh [gl. I–IX]* [The Eternal Husband [Chapters I–IX]]. *Zarya* [Dawn]. 1870, January, No. 1, pp. 1–79. (In Russ.)
 29. Tarasova, N.A. *Problemy podgotovki realnogo kommentariya (na materiale romana F.M. Dostoevskogo “Idiot”)* [Problems of Preparing a Real Commentary (Based on the Material of F. M. Dostoevsky’s Novel “The Idiot”)]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics]. 2019, Vol. 17, No. 3, pp. 158–181. (In Russ.)
 30. Grishunin, A.L. *Principy peredachi epistolyarnykh tekstov v pechati* [Principles of Transmission of Epistolary Texts in Print]. *Voprosy tekstologii* [Topics in the Study of Textology]. Issue 3. Moscow, Nauka Publ., 1964. 305 p. (In Russ.)
 31. Eichenbaum, B.M. *Redaktor i kniga. Sbornik statej. Vypusk tretij* [Editor and Book. Collection of Articles. Issue 3rd]. Moscow, Iskuststvo Publ., 1962. 98 p. (In Russ.)
 32. Likhachev, D.S., with the participation of A.A. Alekseev and A.G. Bobrov. *Tekstologiya (na materiale russkoj literatury X–XVII vv.). Izd. 3-e* [Textual Studies (Based on the Material of Russian Literature of the 10th–17th Centuries). Ed. 3rd]. St. Petersburg, Aletya Publ., 2001. 758 p. (In Russ.)
 33. Shapiro, A.B. *Uporyadochennoe russkoe pravopisanie* [Ordered Russian Spelling]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1956. 38 p. (In Russ.)
 34. Oxman, Yu.G., Chukovsky, K.I. *Perepiska* [Correspondence]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2001. 174 p. (In Russ.)
 35. Korobeynikova, N.N. *Ontologiya kommentariya i ego rol v ponimanii inoyazychnogo hudozhestvennogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Ontology of Commentary and Its Role in Understanding a Foreign Language Literary Text: Abstract. Dis. ... Candidate of Philol. Sciences]. Barnaul, 2006. 202 p. (In Russ.)
 36. *Risunki F.M. Dostoevskogo. Katalog* [Drawings by F.M. Dostoevsky. Catalog]. *Polnoe sobranie sochinenij F.M. Dostoevskogo. Tom 17* [The Complete Works of F.M. Dostoevsky. Vol. 17]. Moscow, Sunday Publ., 2005. 876 p. (In Russ.)
 37. Sakulin, P.N., Belchikov, N.F. *Iz arhiya F.M. Dostoevskogo. “Idiot”: neizdannye materialy* [From the Archive of F.M. Dostoevsky. Idiot: Unreleased Materials]. Moscow, Leningrad, GIHL Publ., 1931. 320 p. (In Russ.)
 38. Chafe, W. *Dannoe, kontrastivnost, opredelyonnost, podlezhashchee, topiki, tochki zreniya* [Datum, Contrastivity, Definiteness, Subject, Topics, Points of View]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XI: Sovremennye sintaksicheskie teorii v amerikanskoj lingvistike* [New in Foreign Linguistics. Issue XI: Modern Syntactic Theories in American Linguistics]. Moscow, 1982, pp. 277–316. (In Russ.)
 39. Murzin, L.H., Stern, A.S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk, UGU Publishing House, 1991. 172 p. (In Russ.)
 40. Bakhtin, M.M. *Iz arhivnykh zapisej k rabote “Problema rechevykh zhanrov”* [From Archival Records to the Work “The Problem of Speech Genres”]. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenij v 7 t. T. 5* [Bakhtin M.M. Collected Works in 7 Vols. Vol. 5]. Moscow, Russian dictionaries Publ., 1997, pp. 207–286. (In Russ.)
 41. Barsht, K.A. *Metalingvistika i ternarnaya model esteticheskoy kommunikacii* [Metalinguistics and the Ternary Model of Aesthetic Communication]. *Dialog soglasiya. Sbornik nauchnykh trudov v chest 70-letiya V.I. Tyupa* [The Dialogue of Consent. Collection of Scientific Papers in Honor of the 70th Anniversary of V.I. Tyupa]. Moscow, 2015, pp. 11–20. (In Russ.)
 42. Lavrov, A.V. *Problemy akademicheskikh izdaniy klassikov russkoj literatury* [Problems of Academic Publications of Classics of Russian Literature]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2011, Vol. 81, No. 11, pp. 970–977. (In Russ.)
 43. Ricoeur, P. *Konflikt interpretacij (Oчерки o germe-nevtike). Per. s fr.* [Conflict of Interpretations (Essays on Hermeneutics). Trans. from French]. Moscow, Moscow Philosophical Foundation Publ., 1995. 411 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 2 июня 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 12 октября 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2023 г.

Дата публикации: 31 декабря 2023 г.

Received by Editor on June 2, 2023

Revised on October 12, 2023

Accepted on October 15, 2023

Date of publication: December 31, 2023